ОБЗОРЫ, РЕЦЕНЗИИ

© 1993 г., ЭО, № 2

И. Ж. Кожановская

ЧТО МЫ ЗНАЕМ О ФОРМАХ СОЦИАЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ В ПОЛИНЕЗИИ? (Обзор зарубежной и отечественной литературы)

Пройдет совсем немного времени, и мы, вероятно, будем отмечать 200-летний юбилей начала первых российских кругосветных экспедиций. Они были славны среди прочего и добытыми сведениями об общественном устройстве жителей Океании. И хотя с тех пор мир островитян претерпел колоссальные перемены, это по-прежнему неповторимый мир и своеобычная культура, оригинальность которой не в последнюю очередь достигается за счет сохранения важнейших черт традиционной социальной организации.

Разумеется, точки зрения о том, что эта организация собой представляет, весьма изменились в сравнении с XVIII и XIX вв. Но и среди наших современников, ученых из разных регионов, существуют пока большие различия в подходах. Если говорить предельно общо, на уровне крупнейших вех исторического развития (что наиболее привычно для марксистского направления в этнографии), то взгляды наших исследователей и их западных коллег, хотя и не совпадают, но вполне сопоставимы, коль скоро речь идет о месте полинезийских обществ на эволюционной шкале. Когда же мы пробуем сопоставить взгляды на конкретные модели социальной организации полинезийцев, то обнаруживаем, что сделать это затруднительно: слишком разнится арсенал понятий, а главное, картина, сложившаяся в представлении отечественных ученых,— увы — выглядит более упрощенной и неточно передает реалии. В частности, она не содержит такого важного элемента, как «рэмидж» — основного и специфичного для Полинезии вида кровнородственной организации.

Не будем здесь вдаваться в причины такого положения дел, хотя это весьма интересный вопрос, заслуживающий особого рассмотрения. Как бы то ни было, давно уже пора российским этнографам предпринимать шаги для уточнения нашей картины мира. Но уповать при этом просто на публикацию переводов зарубежных работ, вероятно, не стоит: переводы ведь тоже делаются с позиций существующего у нас знания. В этом смысле показателен выход в свет в 1986 г. книги П. Беллвуда «Покорение человеком Тихого океана» [1]. Думается, не случайно содержащаяся в ней сводка данных о специфике родственной структуры полинезийских обществ не отразилась в последующих отечественных изданиях, в частности в заключительной части трехтомной серии «История первобытного общества» (1988) [2], где по-прежнему все многообразие социальных форм не выходит за рамки противопоставления матри- и патрилинейных групп.

Вот почему задача данной работы — не анализ конкретных форм социальной организации Полинезии, а попытка привести в соответствие сведения отечественной этнологии на этот счет с тем, что является сегодня достоянием науки. Речь пойдет о структуре двух основных типов кровнородственных образований, о различных их видах, а также о локализованной форме одного из них.

Предваряя изложение, следует, видимо, оговорить известный перекос публикуемого обзора в сторону полемики главным образом с Н. А. Бутиновым. Это объясняется тем, что, во-первых, круг исследователей полинезийского общества в нашей стране очень узок, а во-вторых, именно названный этнограф больше других сделал в рассматриваемой области, посвятив целый ряд своих работ — книг и статей — проблемам общественной организации и общественного сознания океанийцев.

Среди зарубежных специалистов есть много сторонников того, что можно было бы назвать системным подходом к анализу социального устройства. Для такого подхода характерен взгляд на общество как на устойчивый комплекс взаимосвязанных элементов, причем таких, которые одинаково касаются жизни всех его индивидов, т. е. присущи обществу в целом, а не отдельным его частям. Вероятно, поэтому в понятие социальной структуры здесь сознательно не вводятся элементы, способные свидетельствовать о внутренней неоднородности всей системы. Компонентами последней делаются такие универсалии, как системы терминов родства (СТР), типы кровнородственных образований, формы семьи, брака, брачного поселения. Приверженцев системного подхода отличает стремление выявить структурные связи между отдельными социальными характеристиками. Если

же они рассматривают динамику развития, то строят ее также в соответствии со своими основными установками: по комплексу взаимосвязанных параметров.

Среди сторонников такого подхода, писавших о народах Океании, следует назвать Дж. Мердока, У. Гуденафа, У. Дэвенпорта, Р. Бласта, Д. Фридмана и др. Джордж Мердок был первым, кто на основании кросс-культурных исследований, начатых им еще в 1937 г., выявил статистические взаимосвязи между отдельными чертами социальной организации. Особенно ценным в полученных им результатах было обнаружение корреляций с определенным типом терминологии родства. Отталкиваясь от разработанной им семичленной типологии СТР (в основе которой распределение женских терминов в ∅ п.), автор выделил в мире 11 базовых типов социальной организации. Среди них фигурировал и «гавайский тип», который, по мнению автора, получил наибольшее распространение в Полинезии. В своей ставшей классической книге «Социальная структура» (1949) Мердок описал «гавайский тип» как сочетание:

1) «гавайской» СТР (где параллельные и перекрестные кузины терминологически не различаются и обозначаются одинаково с сестрами; тетки с обеих сторон называются так же, как мать Эго, а параллельные племянницы — так же, как его дочь; 2) билатеральных родственных групп (при отсутствии унилинейных); 3) ограниченной полигинии; 4) билокальной расширенной семьи; 5) билатерального распространения запретов на инцест.

Согласно Мердоку, «гавайский тип» социальной структуры представлен в мире у 45 этносов. Из них 11 принадлежат к австронезийской языковой семье (по большей части это полинезийцы). Данный факт вкупе с тем, что у представителей той же самой семьи, но относимых к другим типам социальной организации, часто фиксируются «гавайские» термины родства в +1 и —1п. («по-видимому, пережиточного характера»), дал автору повод предположить, что в глубокой древности протоавстронезийское общество также характеризовалось полным набором черт «гавайского типа» [3].

Эта модель Дж. Мердока послужила важным толчком для последующего серьезного уточнения научных представлений о полинезийских реалиях. Но не только. В результате обогатился и сам теоретический арсенал социальной антропологии.

Главным объектом критики явился пункт 2, иначе говоря, вопрос об основном элементе социальной организации полинезийцев. В 1955 г. У. Гуденаф выступил со статьей [4], где поставил под сомнение в качестве такого основного элемента предложенную Мердоком форму «билатеральной родни» (bilateral kindred). Он убедительно показал, что билатеральная родня не является и, вероятно, никогда не могла быть единственной формой кровнородственной организации в Океании. Гуденаф ссылался на то, что, по этнографическим наблюдениям, здесь существует тесная зависимость между возможностью владеть землей и членством в какой-нибудь родственной группе, а «родня» на роль такого землевладельца не годится: среди ее характеристик нет главной для этой цели — постоянства во времени, преемственности поколений. Ведь каждый раз со смертью Эго «родня» теряет свою целостность. В мердоковской модели, правда, фигурирует еще и билокальная расширенная семья, но и она не подходит на роль держателя земельного надела: ее основа — брачные узы и общность проживания. На практике же базой для передачи владельческих прав всегда выступало исключительно кровное родство, а не свойство. И раз ни «родня», ни семья не удовлетворяют требованиям полинезийской действительности, следовательно, рассуждал Гуденаф, должна была существовать какая-то особая кровнородственная форма, которую Мердок «не заметил». И автор знаменитой статьи «Проблема, связанная с изучением малайско-полинезийской социальной организации» сумел обнаружить эту недостающую форму, а заодно и разобраться в причине, так сказать, «оплошности» Мердока. Во всем оказалась виновата путаница, сложившаяся вокруг понятия «родня».

Если заглянуть в историю, то сам термин kindred впервые был предложен для употребления в научных целях в 1913 г. Б. Филлпоттсом в его труде о древнем англосаксонском обществе [5]. Впоследствии У. Риверс (1924) [6] и Дж. Мердок (1949) использовали этот термин для разработки этнографического понятия (причем последний употреблял словосочетание «билатеральная родня»). Оба автора подразумевали группу лиц, имеющих общего родственника, связи с которым прослеживают любым способом — как через мужчин, так и через женщин. Отмечалось, что эти люди не могут все быть в родстве друг с другом и что это довольно аморфное образование. Именно такую «родню» приписал Мердок раннему малайско-полинезийскому обществу и «гавайскому» типу организации.

В то же самое время в ходу оказалось и другое словоупотребление термина kindred (например, в «Notes and Queries» за 1929 г.). Согласно этому толкованию, «родня» есть «группа лиц, сознающих свое происхождение (генеалогическое или по адопции) от одной семьи, вне зависимости от того, по линии отцов или матерей оно прослеживается» [7].

Наличие двух разных определений «родни» и создавало, как показал Гуденаф, путаницу. Под одним термином скрывались два несхожих понятия, одинаково, однако же, контрастировавших с понятием унилинейной группы. Выяснилось, что сходство обоих вариантов «родни» — в прослеживании кровнородственных связей через представителей обоего пола. Отличие же существенно и принципиально: перед нами разные по своей структуре подразделения, которые должны соответственно и терминологически различаться. Гуденаф предложил поэтому оставить наименование «билатеральная родня» лишь за группой с общим родственником, а группу с общим предком называть «неунилинейной десцентной группой» (он исходил при этом из традиции, по которой словосочетание «десцентная группа» закрепилось исключительно за матри- или патри-, т. е. унилинейными образованиями).

После Гуденафа спутать билатеральную родню с чем-нибудь еще было уже невозможно. Благодаря ему очень явственно высветились ее структурные особенности. Это в первую очередь

эгоцентрический характер коллектива; он состоит из людей, родственных какому-либо человеку в соответствии с билатеральным принципом счета, т. е. когда одновременно учитываются родственники и со стороны матери, и со стороны отца (в отличие от предковых групп, где такой счет ведется линейно). Поскольку каждый индивид составляет центр своей собственной билатеральной родни, ее состав всегда уникален и совпадает только у сиблингов до момента вступления в брак*. В отличие от линиджей, кланов, семей, общин «родня» не является дискретной единицей: разные коллективы бесконечно перекрывают друг друга; один и тот же человек выступает как член сразу множества групп, не совпадающих по составу.

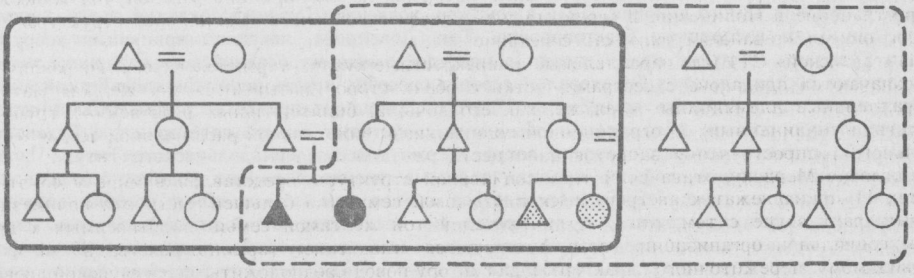


Рис. 1. Два круга родственников, ориентирующихся на разные центры (Сиблинги, обозначенные черным кружком и треугольником, являются центром родни с границей в виде сплошной линии. Сиблинги, обозначенные кружком и треугольником в крапинку, являются центром родни с границей в виде пунктира. Наличие общей зоны говорит об одновременном членстве в двух коллективах)

Хотя билатеральный счет родства должен приводить к прогрессивному разрастанию круга родственников Эго, реальная родня всегда оказывается ограниченной как количеством живых восходящих поколений (предков), так и определенной степенью коллатеральности, которая встречается в самых разнообразных вариантах. У ифугао она состоит из всех потомков от 8 пар прапрадедов и прабабок Эго и может насчитывать до 2 тысяч человек, а у эскимосов Аляски все родственники, выходящие за пределы условно установленных боковых рамок, не признаются членами родни, даже если характер генеалогических связей с ними хорошо известен. У нунамиют, например, родня включает: прямых родственников от +3 до —3 п.; первую боковую линию — вплоть до —3 п.; вторую боковую — до —1 п.; третью — только на уровне ∅ п.; четвертую — от ∅ до +3 п.**.

Родня, как правило, не имеет названия, не имеет лидера. Функции ее — ввиду диффузной структуры и отсутствия непрерывности во времени — сужены по сравнению с десцентными (предковыми) группами: родственники собираются вместе только время от времени, главным образом в связи с церемониями обрядов жизненного цикла Эго (особенно это касается свадьбы и похорон). Бывает, что родня ведает заключением браков, кровной местью, компенсацией за нанесение обиды, оказанием гостеприимства. В одном и том же обществе разные функции родни могут осуществляться разным составом членов; действует как бы несколько функциональных родственных кругов разного радиуса, и это делает родню гибкой и удобной формой.

У. Гуденаф высказал предположение, что в свое время Мердок, собирая данные по океанийским обществам, все упоминания о «родне», заключавшей в себе, как мы видели, двоякий смысл, фиксировал исключительно в пользу билатеральной версии. На самом же деле факты свидетельствовали о распространении в данном регионе главным образом другой формы. Поэтому Гуденаф предложил — для уточнения океанийской модели социальной организации — присовокупить к «гавайскому типу» Мердока еще и неунилинейную десцентную группу как важнейший структурный элемент. Он различал «неограниченную», т. е. включающую абсолютно всех потомков, и целый ряд «ограниченных» разновидностей этой кровнородственной организации. Неунилинейность, согласно Гуденафу, возникала по разным мотивам, в том числе как следствие амбилокального (в прежней традиции — билокального) брака, когда дети наследуют группу того родителя, с родственниками которого они вместе живут. А амбилокальность брачного поселения, в свою очередь, вытекала из той главенствующей роли, которую здесь играла проблема распределения земли. В условиях ее нехватки и одновременно коллективного характера землевладения супружеская пара сама решала, к какому из двух породнившихся коллективов стоит присоединиться. Там же, где земельные условия были или становились более благоприятными, нужда в амбилокальности как инструменте справедливого урегулирования земельной проблемы отпадала, и весьма вероятным становилось уже появление унилинейности (вследствие унилокальной традиции брачного поселения).

Надо сказать, что родня как особая разновидность родственных объединений привлекала к себе внимание многих антропологов, начиная с 1920-х и особенно в 1950-е годы, но при этом не

---

* Среди исследователей существует расхождение насчет того, включать ли в состав родни свойственников Эго.

**На рис. 1 показаны две родни с минимальным составом родственников.

сразу получила ясные очертания и даже свое имя обретала мучительно и постепенно. Не раз предпринимались попытки уточнения термина, поэтому в научной литературе, наряду с упоминавшимися выше, можно встретить и необычное употребление слова «сиб» в значении «билатеральная родня» (А. Р. Рэдклифф-Браун, 1950) [8]; и «индивидуальную родню» (personal kindred) — выражение, введенное Э. Личем (1950) [9] с целью подчеркнуть, что в центре родственного круга находится фигура Эго; можно столкнуться с термином «родня единого происхождения» (Дж. Гуди, 1968) [10], но помнить при этом, что имеешь дело с недоразумением: известный ученый воспользовался данным выражением при описании некой структуры, ошибочно принятой им за родню. Еще один термин — «стержневая родня» (stem kindred) предложен У. Дэвенпортом (1959) уже для уточнения самого понятия. Дело в том, что, хотя идеи Гуденафа оказали сильное влияние, не все они были восприняты безоговорочно. Так, Дэвенпорт, частично приняв на вооружение находки Гуденафа, в то же время спорил с ним, доказывая на океанийском материале, что при определенных обстоятельствах билатеральная родня способна играть роль земледельческой единицы и может иметь протяженность во времени. Поэтому Дэвенпорт предлагал рассматривать отдельно «индивидуальную родню», обладающую обычными свойствами данной категории (по Гуденафу), и «стержневую родню», которая строится вокруг держателя землевладельческого титула [11]. Автор считал, что при наличии стойкого правила передачи титула в рамках родни с каждым новым поколением права на землю будут передаваться только тем, кто попал в условно очерченные коллатеральные границы группы, а не просто по наследству от родителей. Иными словами, «стержневую родню» можно представить как сцепленные между собой «индивидуальные родни» титулованных лиц. Сцепление же происходит за счет постоянного подправления границ группы, постоянного небольшого изменения ее конфигурации. Такая социальная единица уже не исчезает со смертью Эго, а продолжает активное существование, как бы переориентируясь на новый фокус.

Выделение категории «стержневая родня», которая по своим функциям весьма напоминает десцентную (предковую) группу, естественным образом привело Дэвенпорта к отрицанию каких-либо существенных различий между вариантами «родни» и вариантами десцентных групп. Поэтому его точка зрения на соотнесенность разнообразных способов формирования кровнородственных группировок сходна с точкой зрения Мердока: оба они видят разграничительную линию между двумя основными типами этих группировок не там, где видит ее Гуденаф. Они склонны противопоставлять друг другу *унилинейные* и *неунилинейные* родственные системы. Именно эта оппозиция составляет в данном случае высший уровень таксономии.

Здесь следует пояснить, что в отношении неунилинейных форм десцента, или иначе неунилинейного счета родства, существуют терминологические разночтения. В английской традиции широко пользуются термином «билатеральные» общества; у американцев утвердился предложенный Мердоком (1960) [12] термин «когнатические» (cognatic). Некоторые авторы (в том числе и П. Беллвуд) используют их как синонимы. Гуденаф и Дэвенпорт применяли термин «неунилинейность», подчеркивая при этом неоднородность стоящего за ним понятия. Так, Дэвенпорт предложил называть выделенные Гуденафом принципиально разные родственные структуры (неунилинейные десцентные группы и родню) соответственно «многолинейными» и «билатеральными». В конечном итоге последний термин широко утвердился, а «многолинейный» был вытеснен весьма удачной находкой Р. Фирта: «амбилинейный» (у некоторых авторов «амбилатеральный», «когнатический»).

Совершенно очевидно, что в уже упоминавшейся книге Беллвуда термин «cognatic» по отношению к родству везде выражает понятие «неунилинейный», т. е. употребляется в трактовке Мердока. Поэтому при переводе его на русский язык просто как «когнатный» резко искажается смысл, заложенный автором. Ведь наш читатель привык понимать под «когнатным» родством указание на родственников с материнской стороны в противовес «агнатам», или родственникам по отцу *. И «агнатный» и «когнатный» в нашем языке — понятия, имеющие латеральный характер и употребляемые в относительной системе отсчета: они всегда подразумевают фигуру говорящего. Напротив, понятие «когнатический» (о термине можно условиться) существует в абсолютной системе отсчета, поскольку обозначает особую разновидность кровнородственных группировок, т. е. таких образований, которые бытуют независимо от точки зрения индивида. Имея в виду давно устоявшееся у нас понятие «когнатный», как должен воспринять читатель такой, например, перевод высказываний Беллвуда: «локальные группы концентрируются вокруг ядра когнатных родственников обоего пола» [13] или «... при амбилинейности когнатного происхождения» [14] и т. п.? Кстати сказать, попытки перевести термин «descent» как «наследование» или «происхождение», когда речь идет о принципе счета родства, также нельзя признать удачными. Приходится констатировать, что подробный комментарий, приложенный к русскому изданию Беллвуда, к сожалению, отсутствует в той части текста, где он более всего необходим и где автор знакомит нас с важнейшими проблемами социальной организации океанийцев.

Возвращаясь к вопросу о двух фундаментальных типах родственных коллективов, нужно сказать, что помимо упомянутого выше противостояния унилинейных и неунилинейных единиц существует концепция, восходящая к Гуденафу, суть которой в противопоставлении «*родни*» и «*десцентных групп*» как принципиально разных в структурном отношении. Одни ориентированы на Эго, другие — на предка.

Характерно, однако, что указанные два подхода не отражаются на конкретных исследованиях,

---

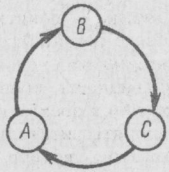
* Традиция, восходящая к шотландскому праву. В то же время в римском праве слово «когнат» употребляется в смысле «любой кровный родственник». Именно эту интерпретацию взял на вооружение Мердок.

поскольку антропологам приходится в них оперировать уже не *типами*, а более низкими таксономическими единицами — определенными *видами* кровнородственных образований: линиджами, рэмиджами, кланами, родней, секциями и т. п. Но важно, что их структурные особенности и различия никем не ставятся под сомнение. Поэтому, например, критика Гуденафом «гавайского» типа социальной организации в Океании возымела действие и была положительно воспринята Мердоком, не замедлившим скорректировать свою модель и дополнить ее признанием амбилинейных десцентных групп в Полинезии. Однако что касается модели социальной структуры протоавстронезийских обществ, то тут он по-прежнему ставит во главу угла билатеральную родню.

Дело в том, что если наложить на карту современного австронезийского мира распределение бытующих здесь видов родственных формирований, то картина — сильно упрощенная — складывается следующим образом: индонезийские острова принято считать царством билатеральной родни, в Меланезии и Микронезии представлены обе основные формы унилинейности (матри- и патри-), а Полинезия и Тайвань амбилинейны [15]. Вероятно, исходя из уже достоверного знания о продвижении и заселении Океании древними австронезийцами именно с запада на восток, а также опираясь на господствующее представление, что предшественники австронезийцев — первые насельники западной части Тихого океана,— вероятнее всего были унилинейны (по аналогии с патрилинейными аборигенами Австралии и горными племенами Новой Гвинеи), т. е. ощущая западноавстронезийский массив как наиболее приближенный к исконным формам протоавстронезийского общества, Мердок и строит свою модель как билатеральную с соответствующей ей «гавайской» терминологией.

Такая концепция сразу делает актуальной проблему пестроты родственной структуры в Океании. Неизбежно возникает вопрос: чем объяснить, что изначально билатеральное общество с продвижением его носителей на восток резко изменило свою структуру сначала на унилинейную (причем в матрилинейном варианте, не похожем на патрилинейную организацию более ранних обитателей островов), а затем, в Полинезии, и на амбилинейную? К концу 1970-х годов, по свидетельству Беллвуда, еще не существовало убедительного и непротиворечивого ответа на этот вопрос.

До поры до времени «билатеральная» версия общественного устройства у протоавстронезийцев в островной Юго-Восточной Азии казалась наиболее весомой, а загадка возникновения полинезийских рэмиджей и иерархической ранговой системы оставалась неразгаданной. Серьезный оппонент у «билатеральной» версии появился в 1980 г. в лице лингвиста Роберта Бласта [16]. Он разделял пафос концепции Гуденафа, считая ее фундаментальным положением, и задался целью проверить и пересмотреть мердоковскую модель протоавстронезийских обществ. Такому пересмотру способствовало накопление представителями голландской этнографической школы противоречащих Мердоку данных, а также распространение взглядов К. Леви-Строса (1969) [17], рассматривающего большую часть австронезийского мира как продолжение на востоке его гипотетической древней «оси обмена». Существо дела заключается в том, что на материале Восточной Индонезии, а частично и Западной (Ява, Суматра) выявились весьма специфичные черты социальной структуры, не укладывающиеся в «гавайский тип». Тамошние общества состоят, как оказалось, из десцентных, а не билатеральных групп, причем эти группы обладают разным статусом. На статусной основе строятся и все отношения между группами в рамках асимметричных брачных обменов, когда ни одна пара групп не связана таким обменом взаимно. В западной антропологической литературе подобную схему отношений называют «асимметричным коннубиумом»; у нас она известна как «трехродовой союз», или «кольцевой союз родов». Эта схема широко распространена в мире и непосредственно связана с обычаем предписанных или предпочтительных унилатеральных кросс-кузенных браков, где С = ДжДмРРж и СДж = ДмДжР:



Сложность заключается в том, что описанная модель отношений тоже не является всеобщей, и действительно, подавляющее большинство западноиндонезийских народов определяет свое родство все же билатеральным способом. Сложилась ситуация, когда представления ученых о социальной структуре этнически близких друг к другу народов разнятся, не совпадают, и в этом заключено серьезное препятствие для достоверной реконструкции древнего общества.

Р. Бласт подошел к проблеме по-новому. Он привлек к анализу такой источник как лингвистические данные в рамках одной языковой семьи и применил специфический метод семантической реконструкции, основываясь на разработках И. Дайена и Д. Эберли (1974) [18]. Смысл метода состоит в том, чтобы восстановить сперва праязык искомого общества (что в свою очередь зависит от используемой генеалогической классификации языков), и затем, уже на основании найденных пралексем, реконструировать некие первоначальные значения, иначе говоря, заложенные в древности смыслы. Поскольку, как оказалось, номенклатура родства входит составной частью в базовую лексику, становится принципиально возможным восстановить некоторые классы родства, которые могли бы служить индикатором типов СТР, брачных правил и, возможно, основных видов родственных группировок.

В результате применения сложной методики Бласт на уровне восстановленных протоавстронезийских лексем обнаружил такие значения классов родства, которые недвусмысленно свидетельствовали в пользу бытования в древности десцентных (т. е. линейных, предковых) кровнородственных групп, предписанного матрилатерального кросскузенного брака, а также говорили об отсутствии генерационной («гавайской») терминологии в +1 п. Все это дало основание Бласту решительно отрицать билатеральную основу протоавстронезийского общества. Он утверждает, что там, где сегодня доминирует родня, она вторична и появилась вследствие утраты десцентных групп [19]. Пользуясь терминологией Мердока, общество ранних австронезийцев следовало бы, по мнению Бласта, назвать скорее «ирокезским», нежели «гавайским», что подразумевает матрилинейные кровнородственные группы, ирокезскую по типу терминологию, матрилокальность брачного поселения, матрикланы и т. д.

Выводы Р. Бласта хорошо согласуются с результатами, полученными М. В. Крюковым, когда он в 1978 г. в ходе анализа распределения типов СТР в Полинезии предпринял самостоятельную лингвистическую реконструкцию терминологии родства для протозападно- и протовосточнополинезийских языков. Согласно Крюкову, Восточная область Полинезии выделяется своей специфичностью и оказывается достоверно вторичной по отношению к Западной области, где удалось восстановить отчетливые черты «ирокезской» терминологии родства [20]. Это означает, что, во всяком случае протополинезийцы были носителями данного, а не «гавайского» типа СТР и, следовательно, их социальную организацию можно уверенно связывать с унилинейными десцентными группами.

Если Бласт прав, то загадка разнообразия форм социальной организации, с которой мы сталкиваемся в Океании, уже не кажется столь неразрешимой. Указания на матрилинейность и во всяком случае на десцентную структуру протоавстронезийского общества представляются весьма важными: они делают непротиворечивой картину островной социальной действительности, так как и унилинейные группы меланезийско-микронезийского мира, и амбилинейные группы Полинезии могут быть теперь истолкованы как формы реализации одного и того же типа кровнородственной структуры, одной и той же идеи, заставляющей живущие поколения оглядываться на предка и как бы протягивать от него — по возможности бесконечную — линию связи.

На наш взгляд, описанная ситуация дает основание лишний раз убедиться, что споры по поводу того или иного классифицирования или типологизирования явлений социальной жизни не схоластическое занятие. Напротив, это жизненно необходимый для науки поиск адекватного соотношения между общим и частным, формальным и содержательным началами действительности. Верно найденное, такое соотношение только помогает исследователю конкретных проблем, в противном случае рискующему потонуть в море многообразия. Нам представляется, что оппозиция «родня» — «десцентная группа» обладает большей эвристичностью, нежели противопоставление в качестве основных типов «унилинейности» и «неунилинейности». Но здесь приходится защищать и самый принцип выделения подобных широких категорий, поскольку в нашей литературе до сих пор можно встретить мнение, согласно которому выявление неизменяемых, структурных черт тех или иных феноменов рассматривается как бессодержательное и противопоставляется важности функционального начала [21], хотя, казалось бы, очевидно, что структура и функция не могут взаимоисключать друг друга, а сущность явления нет возможности постичь иначе, как через взаимосвязь его специфических, инвариантных черт (отнюдь не через функцию).

К вопросу о типах кровнородственной организации, представленных в Полинезии, тесно примыкает и вопрос об их разновидностях. По сути дела он сводится к разговору о формах десцентных групп. Из всех видов линейных родственных образований, т. е. таких, которые исходят из общности происхождения своих членов от одного предка-основателя, в рассматриваемом нами регионе обычно обнаруживаются либо унилинейные, либо амбилинейные коллективы.

Для зарубежных ученых общим местом является признание в качестве наиболее распространенной формы унилинейных образований «линиджа». Так называют группу, возникшую на основе наследования членства по одному из родителей строго определенного пола. В качестве второй структурной черты указывают на способность всех членов линиджа проследить реальные генеалогические связи друг с другом, вследствие чего линидж способен сегментироваться. Он имеет название и чаще всего экзогамен. Различают его количественные разновидности: от «максимального» до «минимального», за который принимается кровнородственное ядро унилокальной большой семьи. Более крупное унилинейное образование, выступающее по отношению к линиджу как целое к части, рассматривается в качестве не имеющего градаций на генеалогической основе. Считается, что оно может и не состоять из линиджей, а также не быть экзогамным [22]. Мердок и Дэвенпорт называют его «сибом», Миддлтон и Тейт, Коэн и Имс — «кланом». Последний термин Мердок, как известно, относит к особому типу родственной организации, который кратко выражается в формуле «локализованный линидж».

Понятия линиджа и сиба/клана только приблизительно соответствуют тому, что в нашей этнологической литературе принято называть «родом». Во-первых, иной акцент делается при выявлении структурных оснований рода: важнейшей и неизменной его чертой, помимо унилинейности, признается не генеалогическое начало, а экзогамия [23]. Второй особенностью взгляда отечественных ученых является четко выраженный стадиальный подход к унилинейным феноменам, представление о том, что внутренняя дифференциация на генеалогической основе — это более поздний этап в их развитии. Таким образом хотя и в неявной форме, но генеалогический фактор все же учитывается. Однако, несмотря на единство общей позиции, отдельные исследователи расходятся в том, что же именно называть родом: обе ли стадии унилинейного развития или лишь одну из них?

В первом случае возникает хорошо всем знакомое подразделение на «ранний» (архаичный) и

«поздний» (патриархальный) роды [24]. Во втором случае мнения раздваиваются, и одни авторы называют родом только генеалогически недифференцированную экзогамную форму, сближаясь, таким образом, с представлениями Р. Лоуи и Дж. Мердока о сибе (например, М. В. Крюков, различающий «род» и совокупное ядро родственных кланов [25]; Ю. И. Семенов, говорящий о «роде» и «филии» [26]); другие же, в частности В. А. Попов, считают, что только позднейшая, т. е. генеалогическая, разновидность унилинии соответствует «общепринятому определению рода» [27]. Очевидно, что такая точка зрения сближается уже не с «сибом», а с пониманием «линиджа» в западной этнологии.

В этой связи трудно согласиться с однозначно синонимической трактовкой понятий «род»/«клан»/«сиб», приводимой В. А. Шнирельманом [28], или с утверждением А. В. Коротаева и А. А. Оболонкова о том, что «одно из значений термина „клан" вполне передается термином „род" [29]». Нам не позволяет это сделать, с одной стороны, реальный расклад мнений отечественных ученых, а с другой стороны, это невозможно из-за декларирования экзогамии в качестве структурной основы рода, т. е. такого признака, который не может отсутствовать ни при каких обстоятельствах. Может быть, более наглядным будет пример другого высказывания: «Линидж отвечает любому из распространенных ныне (и не только ныне) определений рода» [30]. Говоря так, авторы, судя по контексту, имеют в виду именно тождество рода с линиджем. Но как оно возможно, если, согласно определению, важнейшая сущностная характеристика линиджа — это строение по типу генеалогического древа — черта, отсутствующая в определении рода? И разве не очевидно, что только унилинейность является общим, но — увы — единственным признаком, объединяющим перечисленные выше разновидности кровнородственных группировок? А этого явно недостаточно для их отождествления: необходимо полное совпадение структурных элементов.

Что касается второй представленной в Полинезии разновидности предковых групп, то с ней — по части уяснения терминологических соответствий в отечественной и западной литературе — дело обстоит значительно проще: неунилинейные системы, составляющие «по крайней мере треть всех обществ в мире» [31], вообще не знакомы нашей науке; парадоксальным образом они оказались обойдены вниманием советских ученых. Не существовало самого понятия как такового, поэтому и разноголосица терминов в зарубежных исследованиях, с которой время от времени сталкивались наши коллеги, воспринималась подчас как хаос и попросту отметалась с плеча. Между тем определения обществ как «когнатических», «неунилинейных», «многолинейных», «амбилинейных», «билатеральных» следует воспринимать в качестве синонимов. Все они отражают коллективный процесс постепенной выработки наиболее адекватного термина, призванного обозначить кровнородственные образования со специфической, отличной от унилинейной структурой.

Как оказалось, по разным причинам все варианты, существовавшие до 1960 г. (момента появления мердоковского выражения «когнатические общества»), не слишком годились на роль обобщающих терминов. Зато некоторые из них удачно подошли для обозначения существующих «когнатических» разновидностей. Так, за предковыми кровнородственными группами закрепилось предложенное Р. Фиртом наименование «амбилинейных», что хорошо характеризует свойственный им счет родства: в каждом новом поколении зачисление в группу происходит через любого из родителей по выбору. Термин «амбилинейный» давно уже можно считать устоявшимся для такого правила десцента.

В целом амбилинейные системы встречаются реже, чем унилинейные и билатеральные. Но в некоторых регионах мира именно данная форма организации родственных коллективов придает своеобразие общественному облику. Таковы, в частности, Полинезия и Микронезия. Однако и в других частях света, например на родине шотландцев, квакиютлей, белла кула, можно обнаружить амбилинейность.

Реальную родственную группу, основанную на таком принципе (возможность выбора «линии предка»), Фирт в 1957 г.[32] предложил называть «рэмиджем»*. Этот английский термин этимологически хорошо выражал важнейшее свойство данной группы: способность постоянно сегментироваться, «ветвиться». Рэмидж, таким образом, покоится на двух структурных основаниях: амбилинейности и генеалогичности. Естественно поэтому, что его принято рассматривать как «точную функциональную копию» линиджа [35]. По аналогии с последним различаются и количественные варианты рэмиджа. Так, минимальным рэмиджем считается ядро амбилокальной большой семьи; небольшим рэмиджем — такой, который охватывает подразделение общины; крупным рэмиджем — соответствующий всей общине; а максимальным — тот, что можно назвать «септом» (sept). Этот термин заимствован Дэвенпортом у Ф. Боаса и предложен для обозначения амбилинейной группы, в функциональном отношении аналогичной унилинейному сибу. Следовательно, септ, по определению, предельно широкая амбилинейная группировка, внутренне не стратифицированная по типу родословного дерева, как это наблюдается в рэмидже.

Последний в качестве десцентной группы действительно обладает множеством черт, сближающих его с унилинейными формами. В частности, все члены рэмиджа верят, что происходят от единого

---

* Следует иметь в виду, что двумя десятилетиями раньше тот же автор, ведя исследования на полинезийском о-ве Тикопиа, впервые употребил термин «рэмидж», но тогда характеризовал его как *унилинейную* группу [33], соответствующую «коническому клану» П. Кирхгофа. Впоследствии обнаружилось, однако, что свойственная тикопийцам патрилинейность, от которой и отталкивался Фирт, на общеполинезийском фоне выглядит скорее исключением. В результате понятие «рэмидж» наполнилось новым содержанием, но его первоначальная трактовка нашла отражение в ряде публикаций [34].

реального предка; они носят общее название в его честь, нередко имеют свою особую эмблему. Важнейшая роль рэмиджа — коллективное землевладение и право на использование всех иных жизненно важных ресурсов. В ведении рэмиджа — религиозная жизнь группы и часто регуляция браков, хотя экзогамия не является для него обязательной и встречается значительно реже, чем в линиджах и сибах. Что касается способности рэмиджа создавать ранжированные подразделения на основе принципа первородства и регулировать всю общественную жизнь с помощью иерархии статусов, то это тоже хорошо знакомо по унилинейной модели «конического клана».

Отличие заключается в способе счета родства. Например, при зачислении в рэмидж индивид может связывать свое существование как с амбилинейной группой матери, так и с амбилинейной группой отца, а те в свою очередь тоже могли примкнуть к любой из групп своих родителей. В результате каждый человек, по крайней мере в идеале, может в равной мере претендовать на членство сразу в нескольких кровнородственных группах (что абсолютно исключается при унилинейности). Например, у маори Новой Зеландии и на Самоа человек может выбирать, примкнуть ли ему к одной из групп, на которые он имеет право по рождению, или быть членом всех этих групп. Реально все же люди связывают свою жизнь с той родственной амбилинейной группой, на земле которой стоит их дом и огороды которой они обрабатывают; хотя спорадическое участие в жизни остальных родственных коллективов тоже может сохраняться (помощь в строительстве, например). Так как на Самоа каждый может принадлежать больше чем к одной группе, общество здесь не разделяется на отчетливые дискретные единицы, и группы как бы перекрывают друг друга. По той же причине самоанский рэмидж не может включать в себя всех потенциальных членов — не то человеку пришлось бы быть едину во многих лицах и жить одновременно в нескольких местах. Однако наряду с описанными — «перекрывающими» группами существуют в амбилинейных обществах и четко разделяющиеся рэмиджи. Они возникают в том случае, если действует принцип исключительности членства и человеку разрешено реализовать только одну из нескольких возможностей.

Поскольку выбор членства имеет решающее значение для амбилинейных систем, вопрос о мотивации выбора представляет большой интерес. Оказалось, что мотивация эта многообразна и не сводится только к земельному владению, хотя зависимость от социальных и экономических условий жизни в целом несомненна. Характерно и то, что в каждом данном обществе конкретный вариант мотивации представляет собой определенный стереотип. У тунгару это действительно лучшая обеспеченность землей; у квакиютль и белла кула — более высокий социальный статус группы; у мангаиа и нукуоро — претензии на детей со стороны обоих родительских коллективов. Выбор делается сразу после рождения ребенка и проявляется в том, какое личное имя получит новорожденный островитянин, поскольку каждый рэмидж обладает собственным набором имен. Но чаще все-таки родители делают за ребенка свой выбор задолго до его рождения — самим фактом выбора брачного поселения.

Различают два типа рэмиджей: 1) «неограниченный», в который автоматически включаются все без исключения потомки предка-основателя; 2) «ограниченный» рэмидж, включающий только тех потомков, которые живут вместе в силу избранного брачного поселения.

Говоря в целом об облике полинезийских кровнородственных образований, Дэвенпорт отмечал, что, хотя на островах Внешней Полинезии и господствуют унилинейные формы десцентных групп, тем не менее «септ — одна из отличительных черт социальной организации Полинезии» [36]. Тот факт, что для многих обществ данного региона функционально значимыми являются именно амбилинейные десцентные группы, побудил Мердока пересмотреть в их пользу структуру «гавайского типа» социальной организации. И если прежде билатеральная родня составляла в нем важнейший структурный элемент, то с 1960 г. американский ученый фиксирует ее всего лишь как «изредка имеющую место». Изменившийся таким образом тип социальной организации он назвал «полинезийским» и предложил считать его одной из трех основных разновидностей «когнатических обществ».

Описанные выше структуры — зафиксированный научный факт, и, будучи выявлены однажды, они не могли уже впредь не занимать внимания антропологов, исследующих конкретные общества. Проблема состояла только в том, чтобы найти этим структурам соответствующее место в сложившейся системе представлений и как можно точнее определить их специфику.

Выше уже упоминалось, однако, что по ряду причин советская океанистика оказалась в стороне от общего научного процесса. Да, наши исследователи не имели возможности изучать полинезийские общества вживе; да, многое в новейших западных изысканиях оказывалось недоступным для читателей научных библиотек или приходило с большим опозданием. Но на это можно было бы ссылаться только до поры до времени. Как показал опыт, с годами, по мере улучшения ситуации, когда чисто внешние препятствия понемногу стали исчезать и даже островной мир в 1970-х приоткрылся взглядам наших, поневоле кабинетных, ученых, все оставалось по-прежнему: как в теоретической сфере, так и в конкретных исследованиях не находилось места ни билатеральной родне, ни септам, ни рэмиджам, ни амбилинейным кланам. Вероятно, причину все-таки нужно искать не во внешних, безусловно неблагоприятных для отечественных этнографов обстоятельствах, а в серьезных внутренних основаниях, вследствие которых интерес исследователей родственных институтов был до такой степени поглощен сугубо унилинейными образованиями, что ничего иного они не склонны были замечать. Об идеологической подоплеке такой зашоренности уже писала О. Ю. Артемова (1991), имея в виду недостаточность одной лишь категории «род» для анализа многообразных форм родственных группировок [37]. Думаю, что существуют и другие причины, в частности такие стереотипы сознания, которые меньше всего уместны в научной среде. Иногда это высказывается открыто, чаще же в неявной форме, но многие наши коллеги, как и многие

сограждане в целом, несут в себе неистребимую уверенность в том, что в своей собственной — такой особой — стране можно делать и свою собственную — особую науку, как бы в рамках натурального хозяйства. Нас удовлетворяет, нам нравится. У нашей науки, мол, собственные задачи и свое видение мира, истории. Это неудивительно, поскольку мысль о возможности смело пренебречь естественным ходом развития и по воле людей творить новую действительность настойчиво внедрялась в сознание всем строем советской жизни. И всегда наша особенность была предметом общей гордости. Но если в политике, экономике, искусстве или экологии несостоятельность подобного подхода сделалась ясна не сразу, то в науке это должно было бы быть самоочевидно: раз мы утверждаем, что истина едина, стало быть, едина и наука. Она нуждается во взаимопонимаемом развивающемся языке, и язык этот составляют ясно определяемые понятия и общие для всех логические правила, которые касаются обращения с понятиями, высказывания суждений и пр. В этом отношении примечательны два подхода, наблюдаемые в отечественной океанистике.

Когда С. А. Токарев и А. П. Блинов в 1956 г. описывали традиционное общественное устройство полинезийцев, они характеризовали его как «распад родового строя». Предполагали, судя по пережиткам, что в прошлом тут господствовал материнский род; одновременно констатировали, что к отцовскому роду жители Полинезии (за исключением тикопийцев) так и не пришли. То есть рода как такового авторы не обнаруживали. Вместо него «основной ячейкой общественного строя» они называли семейную общину, а своеобразие момента видели в том, что эта семейная община сложилась на развалинах именно материнского рода, а не патриархального, как можно было ожидать. Семейная община на Самоа описывалась как коллектив, происходящий «по мужской линии от общего предка»; тем самым клановая группа, всегда включающая в себя помимо родственников еще и свойственников, неправомерно отождествлялась с кровнородственной группой. Но что весьма примечательно, эта кровнородственная группа (а в сущности ядро семейной общины) не отождествлялась авторами с родом! Основанием тому служили различия в счете родства: в то время как род унилинеен, полинезийской семейной общине, согласно Токареву и Блинову, свойственна «двусторонность, или двухлинейность» [38].

Таким образом, несмотря на погрешности против наших сегодняшних представлений о характере социальной структуры рассматриваемого региона, хочется подчеркнуть, что упоминавшиеся выше исследователи в вопросе о роде исходили из его существенных признаков, что и позволило им, пусть вскользь, но противопоставить живые социальные формы Полинезии — родовым, привычным и считавшимся универсальными.

Иная позиция характеризует подход Н. А. Бутинова к той же самой проблеме. В социальной организации Маркизского архипелага, островов Мангаиа, Пасхи и Таити он видит «конкретные формы позднего общинно-родового строя» [39]. Тот же вывод относится и к Тувалу. Соответственно во всех этих обществах (и в целом в Полинезии) автор обнаруживает род как ведущую социальную единицу. В 1970 г. Н. А. Бутинов давал роду следующее определение: «Это группа лиц, ведущих происхождение от общего предка, по одной линии (мужской или женской), называющих себя общим именем (по предку, вождю, тотему, местности и т. п.); живущих частично на своей родовой территории (компактной или состоящей из нескольких разрозненных участков) и частично вне ее, сохраняя, однако, с ней более или менее тесную связь; не вступающих в брак друг с другом» [40]. Род, таким образом, недвусмысленно характеризовался как унилинейный и экзогамный коллектив.

На Тувалу, по словам Бутинова, он носит название «солонга» и в виде сегментов существует в рамках отдельных большесемейных общин, называемых «каинга». Но одновременно оказывается, что браки у тувальцев билокальны, а принадлежность к каинге определяется не унилинейно *. Оказывается, «по свидетельству Коха, подтвержденному данными других авторов, род на островах Тувалу не является однолинейным» [41]. Оказывается, сами тувальцы не имеют единого термина для обозначения рода, а на различных островах архипелага употребляют три разных слова (солонга, капити, матакаинга), в то время как для обозначения большой семьи все используют один и тот же термин. Материалы по Восточной Полинезии, привлекаемые Бутиновым, также свидетельствуют о несоответствии социальной действительности авторскому определению рода. Так, по мнению исследователя, у высших сословий, несмотря на патрилинейность, «в отдельных случаях человек мог быть связан с родом через женское звено в одном из поколений. Человек низшего сословия мог принадлежать к социальной группе как по линии отца, так и по линии матери». Описывает Бутинов и факты нарушения агамии кровнородственных коллективов, а у аристократов фиксирует и вовсе эндогамные обычаи. И это при том, что именно вождям, как считает автор, присущ род, а простолюдинов объединяет не род, а «родня» (kindred) [42]. Весьма показательно, что в книге о тувальцах тот же термин «киндред» наряду с терминами «линидж» и «рамадж» (так у автора), наоборот, подается в качестве синонима рода [43].

Несовместимость полинезийских реалий с признаками рода, приводившимися выше, представляется вполне очевидной. Однако это по какой-то причине не влияет на авторскую оценку. По нашему мнению, такое противоречие является следствием своеобразного подхода к научному понятию как таковому, когда расхождение между фактом и определением понятия не становится безусловным свидетельством того, что либо данное понятие ложно, либо недостоверен сам факт, либо он не может характеризоваться данным понятием. Н. А. Бутинов полагает возможным, чтобы выводимые в определении признаки не были обязательными. Так, каждый из признаков рода, в

* Заметим, что принадлежность к большой семье возможна и по браку.

том числе однолинейность и экзогамию, он называет «лишь правилом на фоне довольно частых отклонений» и говорит, что «сама родовая норма с трудом поддается определению» [44]. Но поскольку никаким другим, более адекватным определением, помимо цитированного выше, автор не пользуется, мы вправе ожидать, что существенные характеристики, выражающие специфику понятия «род», будут инвариантны. Если не соблюдать это условие, любое научное понятие размывается и исчезает. И тогда становится возможным «двухлинейный» не строго экзогамный род.

В сущности, в своей трактовке рода Н. А. Бутинов незаметно переходит на понятие «десцентной группы», т. е. линейного коллектива кровных родственников, ведущих происхождение от единого предка. Подобное понимание можно было бы считать приемлемым, если бы, во-первых, оно открыто декларировалось, а во-вторых, если бы не то обстоятельство, что десцентные группы обнаруживаются и в классовых обществах, а автор видел своей задачей обрисовать с помощью категории «род» совершенно специфический момент истории: момент перехода от «общинно-родового» устройства к классовым отношениям.

Возвращаясь к сравнению двух подходов отечественных исследователей к оценке полинезийской социальной организации, отметим, что нам несомненно ближе первый, не позволивший в свое время Токареву и Блинову увидеть родовую организацию там, где фактический материал свидетельствовал об отсутствии признаков рода. К чести авторов добавим, что их позиция складывалась в тот период, когда проблема неунилинейных группировок еще не зазвучала в полный голос и не существовало более или менее ясного представления о том, как их классифицировать. Если же говорить о подходе Н. А. Бутинова, то, вероятно, помимо уже упоминавшегося логического изъяна в обращении с понятиями свою роль сыграло и принципиальное отрицание им такой категории как клан (в трактовке Мердока, 1949), отождествление клана с родовой общиной и решительный отказ проводить параллель между патронимией М. О. Косвена и локализованным линиджем [45]. Дело в том, что, описывая род на Тувалу, автор не ограничивается личными впечатлениями и старается естественным образом опереться на своих предшественников. Но всюду, где Г. Кох (1961) [46] и Д. Кеннеди (1953) [47], подробно изучавшие ситуацию на архипелаге, говорят о «клане», Бутинов интерпретирует их сообщения как безусловные указания на существование рода. А то, что синонимом «клана» у этих антропологов повсюду выступают «поселки» и «семейные группы», а не кровнородственные образования, автор монографии о тувальцах объясняет якобы привычным для западных ученых игнорированием различий между общиной и родом. И это несмотря на общеизвестное бытование по крайней мере двух версий термина «clan», одна из которых открыто и намеренно сопрягает в одном понятии «линиджное» и «общинное» начало.

Указанная позиция, когда исследователь, несмотря на все противоречия и логические препятствия, видит и находит в материале только то, что он хочет там увидеть, могла бы быть отнесена к разряду казусов, но, к сожалению, она встречается все чаще, хотя и в чуть-чуть иной модификации: не однажды, например, приходилось сталкиваться с тем, что автор, предлагая новую концепцию, ограничивается изложением своего видения предмета, при этом оставляя в стороне аргументацию своих предшественников.

Казалось бы, начиная с 1967 г., после завершения плодотворной журнальной дискуссии в «Советской этнографии», в отечественной науке постепенно утверждается дифференцированный подход к кровнородственным образованиям и их локализованным формам. Казалось бы, устоялось представление о двойственной природе патронимической организации, которая под разными наименованиями: «клан», «семейно-родственная группа», «патронимия» — сделалась объектом специального исследования (в этом сошлись позиции М. В. Крюкова, Ю. И. Семенова, А. И. Першица). Казалось бы, уже нельзя не различать двух уровней существования субобщины в общине: уровня семьи и уровня сегментированной совокупности семей, которые Першиц прелагает называть семейной и линиджной общинами [48]. И хоть, строго говоря, ядро большой семьи по определению тоже линидж, только минимальный, на наш взгляд, это хорошо соотносится с представлениями Мердока о локализованных линиджах и рэмиджах разной глубины, т. е. о количественных разновидностях кланов. Тем неожиданней в уже упоминавшейся статье Коротаева и Оболонкова прозвучал тезис о том, что патронимия не представляет особого социального института, а вполне исчерпывается понятием «поздний род»...

Не высказываясь здесь по существу вопроса, хотелось бы только заострить внимание на способе аргументации авторов. Они, например, считают возможным при анализе принципиальных понятий типа «род» и «патронимия» воздерживаться от сопоставления их по структурным чертам, которые давно уже были выделены и названы прежде. В противном случае, думается, от внимания молодых историков не ускользнуло бы, что они пытаются отождествить кровнородственную организацию с семейной. Но даже если допустить, что Коротаев с Оболонковым правы, их утверждение о неспецифичности патронимии по сравнению с родом не может быть признано основательным и правомерным до тех пор, пока они не сумеют убедить коллег в неправоте и несостоятельности выводов своего предшественника, сумевшего обнаружить и продемонстрировать на оригинальных источниках параллельное существование в одном и том же обществе родовой и клановой (патронимической) структуры. Мы полагаем, что блестящее исследование Крюкова «Формы социальной организации древних китайцев» (1967) следует считать главным аргументом в затеянном споре. Тем печальнее, что этот аргумент остался неизвестен авторам статьи.

Примечания

[1] *Беллвуд П.* Покорение человеком Тихого океана (Юго-Восточная Азия и Океания в доисторическую эпоху). М., 1986.

[2] История первобытного общества (Эпоха классообразования). М., 1988.

[3] *Murdock G. P.* Social Structure. N. Y.; L., 1967. P. 229—231.

[4] *Goodenough W. H.* A Problem in Malayo-Polynesian Social Organization//Kinship and Social Organization. N. Y., 1968.

[5] *Phillpotts B. S.* Kindred and Clan in the Middle Ages and After. Cambridge, 1913.

[6] *Rivers W. H. R.* Social Organization. L., 1924.

[7] Цит. по: *Goodenough W. H.* Op. cit. P. 71.

[8] *Radcliffe-Brown A. R.* Introduction//African Systems of Kinship and Marriage. L., 1950.

[9] *Leach E. R.* Social Science Research in Sarawak//Colonial Research Studies. L., 1950. № 1.

[10] *Goody J. R.* Kinship: Descent Group//International Encyclopedia of the Social Sciences. V. 8.

[11] *Davenport W.* Nonunilinear Descent and Descent Groups//American Anthropologist. 1959. Vol. 61. P. 565.

[12] *Murdock G. P.* Cognatic Forms of Social Organization//Social Structure in Southeast Asia. Chicago. 1960.

[13] *Беллвуд П.* Указ. раб. С. 119.

[14] Там же. С. 127.

[15] Там же. С. 126.

[16] *Blust R.* Early Austronesian Social Organization: the Evidence of Language//Current Anthropology. 1980. V. 21. № 2.

[17] *Levi-Strauss C.* The Elementary Structures of Kinship. L., 1969.

[18] *Dyen I., Aberle D. F.* Lexical Reconstruction (The Case of the Proto-Athapaskan Kinship System). Cambridge, 1974.

[19] *Blust R.* Op. cit. P. 222.

[20] *Крюков М. В.* Полинезийские системы родства как этногенетический источник//Австралия и Океания. М., 1978. С. 129.

[21] *Артемова О. Ю.* Забытые страницы отечественной науки: А. Н. Максимов и его исследования по исторической этнографии//Сов. этнография. 1991. № 4. С. 55.

[22] *Murdock G. P.* Social Structure ... P. 46, 47; *Middleton J., Tait D.* The Lineage System//Kinship and Social Organization. N. Y., 1968. P. 155; *Cohen E. N., Eames E.* Cultural Anthropology. Boston; Toronto, 1982. P. 149.

[23] *Крюков М. В.* Формы социальной организации древних китайцев. М., 1967. С. 6; *Бутинов Н. А.* Род на Новой Гвинее//Австралия и Океания. М., 1970. С. 25; *Попов В. А.* Половозрастная стратификация в этносоциологических реконструкциях первобытности//Сов. этнография. 1982. № 1. С. 72.

[24] *Коротаев А. В., Оболонков А. А.* Родовая организация в социально-экономической структуре классовых обществ//Сов. этнография. 1989. № 2.

[25] *Крюков М. В.* О соотношении родовой и патронимической (клановой) организации//Сов. этнография. 1967. № 6. С. 93.

[26] *Семенов Ю. И.* Происхождение брака и семьи. М., 1974. С. 227—228.

[27] *Попов В. А.* Указ. раб. С. 72.

[28] *Шнирельман В. А.* Позднепервобытная община земледельцев-скотоводов и высших охотников, рыболовов и собирателей//История первобытного общества: Эпоха первобытной родовой общины. М., 1986. С. 359.

[29] *Коротаев А. В., Оболонков А. А.* Указ. раб. С. 37.

[30] Там же.

[31] *Murdock G. P.* Cognatic Forms ... P. 2.

[32] *Firth R.* A Note on Descent Groups in Polynesia//Man. 1957. V. 57.

[33] *Firth R.* We, the Tikopia. L., 1936.

[34] *Sahlins M. D.* Social Stratification in Polynesia. Seattle, 1958; *Крюков М. В.* Формы социальной организации...; *Кожановская И. Ж.* К вопросу о ранге в традиционных обществах Полинезии (на примере Тонга)//Сов. этнография. 1986. № 1; *Куббель Л. Е.* Возникновение частной собственности, классов и государства//История первобытного общества (Эпоха классообразования). М., 1988.

[35] *Murdock G. P.* Cognatic Forms ... P. 11.

[36] *Davenport W.* Op. cit. P. 562.

[37] *Артемова О. Ю.* Указ. раб. С. 56.

[38] *Токарев С. А., Блинов А. П.* Общественный строй полинезийцев в прошлом//Народы Австралии и Океании (Серия «Народы мира»). М., 1956. С. 607—608.

[39] *Бутинов Н. А.* Социальная организация полинезийцев. М., 1981. С. 3.

[40] *Бутинов Н. А.* Род на Новой Гвинее... С. 25.

[41] *Бутинов Н. А.* Полинезийцы островов Тувалу. М., 1982. С. 41— 43.

[42] *Бутинов Н. А.* Социальная организация... С. 19.

[43] *Бутинов Н. А.* Полинезийцы... С. 43.

[44] *Бутинов Н. А.* Род на Новой Гвинее... С. 25.

[45] *Бутинов Н. А.* Община, семья, род//Сов. этнография. 1968. № 2.
[46] *Koch G.* Die materielle Kultur der Ellice-Inseln. B., 1961.
[47] *Kennedy D. G.* Land Tenure in the Ellice Islands//The Journal of the Polynesian Society. 1953. V. 62.
[48] *Першиц А. И.* Проблема типологизации общины и дореволюционной русской и советской этнографии//Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии. М., 1978. Вып. 8. С. 149.

© 1993 г., ЭО, № 2

С. Лисицян. Армяне Нагорного Карабаха. Этнографический очерк. Ереван. 1992. 240 с.

Этнографы, в первую очередь кавказоведы, получили наконец возможность познакомиться с монографическим исследованием известного армянского ученого, заслуженного деятеля науки Армении, одного из основоположников армянской этнографии советского периода профессора С. Д. Лисицяна, посвященным армянам Нагорного Карабаха (исторического Арцаха). Данная монография была написана автором на русском языке еще в середине 1920-х годов в результате его участия в научной экспедиции, организованной в 1924 г. Закавказской научной ассоциацией при ЦИК Закавказья в районы Зангезура, Нагорного Карабаха и Нагорного Курдистана для комплексного экономического, этнографического и археологического изучения края. В основу ее положен скрупулезно собранный С. Д. Лисицяном в различных районах Нагорного Карабаха богатейший полевой этнографический материал, касающийся этнического состава населения, его хозяйственной жизни, материальной культуры (поселения, жилище, его интерьер, утварь, пища, одежда), семейной, в том числе и обрядовой, сферы (свадебные, родильные, похоронные обряды), а также некоторых сторон духовной культуры (в частности, народные верования, календарные праздники годового цикла). Во введении к работе дан географический очерк региона. В середине 1930-х годов С. Д. Лисицян вновь посетил Нагорный Карабах с целью дополнить рукопись характеристикой тех изменений, которые произошли за десятилетие в быту карабахских армян. Новый материал был им изложен в послесловии.

И вот эту, уже готовую к публикации рукопись ждала поистине трагическая судьба. Читатель легко сможет убедиться в этом, познакомившись с приведенными в приложении к книге документами, отражающими лишь часть сохранившейся в архиве ученого многолетней (с 1935 по 1966 г.) переписки по поводу ее издания сначала с Институтом этнографии АН СССР (Ленинград), а затем с 1940 г. с Институтом истории АН Азербайджана, дирекция которого, выразив с самого начала принципиальное согласие на публикацию рукописи и получив ее затем вместе с иллюстрациями из Ленинграда, в дальнейшем на протяжении многих лет периодически уведомляла автора, а после его смерти в 1947 г. и его наследников, что при первой возможности включит рукопись в издательский план следующего года. По истечении 10-летнего срока в 1950 г., затем в 1951 г. и в последующие годы дочери С. Д. Лисицяна неоднократно требовали возвратить им работу, уже отказываясь от ее публикации. Однако Институт истории АН Азербайджана так и не вернул ее. Лишь в конце 1970-х годов в архиве ученого в Ереване совершенно случайно был обнаружен черновой вариант основного текста 1924 г., многие страницы которого за давностью лет прочитывались уже с трудом. После кропотливой редакторской работы, потребовавшей не только тщательной текстологической проверки найденного черновика рукописи, но и составления соответствующих комментариев и справочного аппарата, проверки источников и ссылок на все цитируемые работы, подбора нового иллюстративного материала, рукопись С. Д. Лисицяна была переведена на армянский язык и издана Институтом археологии и этнографии АН Армении в Издательстве АН Армении в 1981 г. небольшим тиражом (в серии «Армянская этнография и фольклор. Материалы и исследования». Вып. 12). Сразу же она стала библиографической редкостью.

Учитывая большую научную ценность собранных автором почти семь десятилетий назад поистине уникальных полевых материалов, характеризующих этнокультурный облик карабахских армян того периода, многие черты которого сейчас уже безвозвратно утрачены, а также неослабевающий интерес к этой работе, особенно в связи с событиями последних лет в Нагорном Карабахе, Институт археологии и этнографии АН Армении принял решение опубликовать (с некоторыми сокращениями) имеющийся у него русский оригинал рукописи 1924 г. Большая работа проделана внучкой ученого Л. М. Варданян, которая была одним из редакторов книги и составила глоссарий встречающихся в тексте армянских этнографических терминов, а также указатель географических названий, исторических памятников и местных святынь. Издание книги осуществлено на средства спонсора — Внешнеэкономической ассоциации «Барегорцутюн».

А. Е. Тер-Саркисянц